

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Н.И. КАРЕЕВА: ОТ МОСКВЫ ДО ПЕТЕРБУРГА¹

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проанализированы историософские воззрения петербургского историка, представителя позитивной философии истории Н.И. Кареева. Его понятийная триада «философия истории – социология – историософия», взятая в динамике, позволяет проследить эволюцию взглядов, последовательно выходящих в локации двух научных сообществ – московского и петербургского. Сделаны предварительные выводы о том, какие факторы и в каком средовом контексте повлияли на теоретические изыскания Кареева. Как представитель московского научного сообщества, Кареев привнес в петербургскую историческую науку интерес к философии истории и социологии. Петербургское научное сообщество стимулировало интерес Кареева к критике источников и способствовало формированию его теоретико-методологических и типологизаторских компетенций. Сделан вывод о том, что позитивизм Кареева, сложившийся в московский период его творчества, подвергся корректировке. Выявлены условия, повлиявшие на модернизацию взглядов Кареева: источниковедческие традиции петербургских ученых, герменевтическая критика источников, «открытость» мышления самого теоретика.

Ключевые слова: *Н.И. Кареев, позитивизм, философия истории, социология, историософия, история, критика источника.*

В историко-философском наследии Н.И. Кареева чувствуется влияние двух научных сообществ – московского и петербургского.

Кареев в воспоминаниях «Прожитое и пережитое» (написаны в 1929 г., впервые изданы в 1990 г.) выделяет два периода своей жизни: московский и петербургский. «В 1879 году кончился московский период моей жизни, продолжавшийся около полутора десятка лет, из которых на время моей связи с университетом приходится целое десятилетие», – пишет Кареев [5, с. 143]. Московский период жизни Кареева включал годы обучения в гимназии (с 1865 по 1869) и в университете (с 1869 по 1873), а также преподавание в 3-ей гимназии (1873–1877). После заграничной служебной поездки (1877) и профессорства в Варшавском университете (1879–1885) наступил петербургский период жизни и творчества Кареева. Цель статьи – проследить эволюцию историософ-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования», № 20-011-00071.

ских воззрений Кареева, выявить, какие факторы и в каком средовом контексте влияли на его теоретические изыскания.

В пору студенчества Кареева философию в Московском университете преподавал профессор метафизической ориентации, последователь немецкого идеализма П.Д. Юркевич. Высоко оценивая его работы, Кареев в своих воспоминаниях все же признается, что осваивал философию по другим книгам, отражавшим теоретические выкладки позитивизма, преимущественно англо-французского. В число интересующих его в ту пору авторов входили Дж.-Г. Льюис, К. Фишер, В. Вундт, И. Тэн. К творчеству последнего Кареев сохранил настолько устойчивый интерес, что спустя три десятилетия проанализировал его сочинения в статье «Тэн перед судом Олара» (1907).

Руководителем магистерской диссертации Кареева стал В.И. Герье, профессор кафедры всеобщей истории. И сам Кареев, и исследователи его творчества отмечают неровные взаимоотношения учителя и ученика. Их рознило многое. С точки зрения мировоззренческих и интеллектуальных интересов Герье был сторонником немецкого идеализма, Кареев – англо-французского позитивизма. Политическая ориентация Герье носила консервативный характер, Кареев слыл радикалом. В научном плане Герье непременно хотел, чтобы его ученик занялся либеральным католицизмом в Германии XVIII в. и поехал на стажировку в Германию. Кареев выбрал тему французских крестьян в революционную эпоху и поехал во Францию. Однако какими бы ни были разногласия, они не в силах были разорвать отношения людей, желающих, каждый по-своему, обогащать содержание философии истории. Время показало, что Герье помогал своим ученикам формировать критическое мышление, важным элементом которого было умение ценить взгляды другого, даже если ты с ними не согласен. Кареев так оценивает учителя: «Он расположил меня к занятиям истории, научил, как следует работать» [5, с. 133]. Впоследствии важной исследовательской гранью Кареева станет его способность вести с современниками диалог, всегда содержательный, даже если и нелицеприятный.

По признанию Кареева, на четвертом году студенчества он уже утвердился в своей научной перспективе и для будущей докторской диссертации сосредоточил свое внимание на вопросах первобытной культуры, социологии и философии истории. «Я штудировал не только антропологические труды Дарвина и Вайнца, равно как книгу Тэйлора и Лёббока, – пишет Кареев, – но и работы П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, В.В. Лесевича и С.Н. Южакова, приучившие меня относиться критически к модным иностранным теориям» [5, с. 131–132]. Кареев вспоминает, что впоследствии на заседаниях Социологического общества во Франции на рубеже XIX–XX вв. он имел возможность лично познакомиться с авторами, повлиявшими на формирование его мировоззрения, среди которых П.Ф. Лилиенфельд-Тоаль, Я.А. Новиков,

Е.В. Де Роберти, а с М.М. Ковалевским и В.В. Лесевичем сложилось плотное сотрудничество [5, с. 219].

В годы московского студенчества Кареев испытал лингвистический всплеск: помимо латыни и древнегреческого языка, он изучал «новые», как их именовали в университете, языки – французский и немецкий. Несмотря на то, что учителя часто менялись, «один оказался драчуном (немец), а другой сошел с ума (француз)», как лаконично характеризует эту ситуацию Кареев, его успехи были очевидны. Впоследствии Кареев свободно владел несколькими языками, легко понимал носителей языка в заграничных поездках, читал в подлиннике классику и современные трактаты западноевропейских теоретиков, задолго до их перевода на русский язык, самостоятельно переводил свои сочинения для европейских изданий. Лингвистические интересы Кареева постоянно расширялись, хотя и неровно. Например, в университете он дополнительно изучал древнеславянский, санскрит, чешский языки, однако, по его собственной оценке, это были знания, которые «далеко не пошли» [5, с. 116]. Другой пример демонстрирует обратное: после назначения в Варшавский университет Кареев довольно быстро освоил польский язык. В отношении этого его самокритичность высока: «Польским языком я овладел не настолько, чтобы публично ораторствовать...» [5, с. 170]. При этом сам же говорит, что во Львове читал лекции по-польски и по-русски [5, с. 211].

Первым сочинением, если так можно выразиться, отразившим формирующийся интерес Кареева к позитивной философии, стало его реферативное выступление на «домашнем семинарии» у профессора Герье. Перед приглашенными слушателями, в данном случае это были курсистки, Кареев огласил свою критическую оценку теории социальной динамики О. Конта. Впоследствии критика контизма станет для Кареева своего рода интеллектуальной привычкой, присутствующей почти в каждом его сочинении, что, по общему мнению исследователей, вполне объяснимо позитивистской ориентацией теоретика [1; 6; 11].

После Москвы (учеба в университете, учительство в гимназии, работа на историко-филологическом факультете Московского университета в качестве стороннего преподавателя), а также заграничных поездок по Европе и работы в Варшавском университете Кареев попадает в новую для него среду – петербургское научное сообщество. К этому времени у него сложилась устойчивая позитивистская теоретико-мировоззренческая позиция. А за его плечами имелся большой опыт работы с историческими источниками и опубликованные работы. В Москве он защитил обе диссертации: магистерскую – по крестьянскому вопросу в революционной Франции и докторскую – по философии истории. В Париже занимался в Национальной библиотеке и в Национальном архиве, где «поднимал» ранее не использованные материалы, слушал лекции Фюстель де Куланжа и имел с ним, благодаря протекции

Ковалевского, личное знакомство (1877–1878). В Берлине работал в Королевской библиотеке. С Варшавы начались издания его курсов по всеобщей истории, ставшие потом регулярными.

Таким образом, в Петербург Кареев приехал исследователем-позитивистом с устойчивыми интересами: продолжать изучать основные вопросы философии истории и продолжать разработку курса всеобщей истории.

В Петербургском университете Кареев проработал с 1885 до 1923 г., с вынужденной семилетней опалой в качестве «неблагонадежного» преподавателя, по версии властей, осуществлявших полицейский надзор. Кареев в своих воспоминаниях делит свой петербургский период жизни на три этапа: первое профессорство в университете (1885–1899), годы изгнания из университета (1899–1906) и второе профессорство в университете с 1906 г. [5, с. 174]. По сложившейся в ту пору традиции, когда преподаватели, помимо университета, работали в гимназиях и других учебных заведениях, Кареев также читал лекции в Александровском лицее, на Высших женских курсах, в Политехническом институте, в народном университете П.Ф. Лесгафта, в Психоневрологическом институте В.М. Бехтерева и других образовательных местах.

По мнению исследователей, как выпускник Московского университета и представитель московского научного сообщества, Кареев привнес в петербургскую историческую науку интерес к философии истории и к социологии [7, с. 151]. Историко-философские воззрения Кареева нашли отражение в его многочисленных трудах. Столь высокая публикационная активность объяснялась, разумеется, академическим настроением, присущим Карееву как серьезному ученому. Однако немаловажную роль в его жизни играли и издательские гонорары как важный источник доходов семьи. Главной чертой Кареева как ученого стала дискурсивная активность, выразившаяся в потребности публично и открыто полемизировать в печати, высказывать свою позицию по спорным вопросам теории исторического знания. Про это нельзя исключать и желание Кареева, в силу непростых отношений с коллегами, постоянно подтверждать, в определенной мере, свою научную состоятельность. А.В. Малинов отмечает, что положение Кареева среди коллег по академическому цеху нельзя было назвать прочным, что он с трудом получил возможность преподавать философско-исторические дисциплины [8, с. 65]. Должность профессора также не сразу далась Карееву. Исследователи фиксируют, что из поступивших на службу после 1884 г. только 8 % младших преподавателей сумели достичь искомого [9, с. 37]. В их числе оказался и Кареев, пройдя до профессорства довольно сложный путь приват-доцента (1884) и экстраординарного профессора (1885).

В своих воспоминаниях Кареев признается, что философский интерес к истории и позитивистский настрой историософских воззрений не покидали его все сорок лет интеллектуальной деятельности, хотя и

претерпели изменения. Конструктивно-критическое освоение новых течений историко-философской литературы, со слов самого Кареева, «не поколебало во мне моего позитивизма, хотя внесло в него некоторые поправки и приучило более исторически понимать культурное значение осуждаемых позитивизмом стремлений» [5, с. 251].

Эволюцию историософских воззрений Кареева можно проследить, взяв за основу ключевые сочинения, символизирующие начало его мыслительной активности («Основные вопросы философии истории») и написанные в пору зрелости («Историка. Теория исторического знания», «Историология: Теория исторического процесса»).

Как известно, работа Кареева «Основные вопросы философии истории» издавалась трижды: первый выпуск – в Москве (1884), два других – в Петербурге (1887 и 1897). В данном случае содержательно это не имеет большого значения, так как, по признанию самого автора, во всех изданиях оставались неприкосновенными структура и основные идеи сочинения. По мере переиздания Кареев преследовал разные задачи. В предисловии ко второму изданию он отреагировал на критику, изложив свои ответные соображения, и сократил объем за счет удаления громоздких цитат, библиографических подробностей и подстрочных сносок. В третьем издании он очертил свою позицию в отношении экономического материализма, ставшего актуальным историко-философским течением, а также старался сделать материал доступным для «читателей-неспециалистов» [4, с. XI–XII].

Ключевой темой для Кареева стало понимание философии истории, что и отразилось в названии самого сочинения. Берясь за громадную и в какой-то мере амбициозную задачу – синтезировать основные течения историко-философской мысли, сложившиеся к его времени, Кареев поднял огромные пласты литературы. В историографическом «океане» ему удалось увидеть три главных способа исследовательской мысли: абстрактное обозрение истории человечества; поиск общих законов развития и разработку теории исторического знания. Первый способ Кареев именуется термином «философия истории», второй – «социологией», третий – «историософией» [здесь Кареев «блуждает» по терминам: в его исполнении можно встретить «теорию философского знания истории», «философскую теорию исторического знания и исторического процесса» и другие вариации по тексту. – *Е.М.*]. Сам автор справедливо оценивает такую градацию небесспорной, но объясняет свою позицию так: «Это различие философии истории, социологии и историософии мы считали нужным сделать в начале нашего труда, чтобы раз и навсегда держаться однообразной терминологии» [4, с. 2].

Ко времени написания Кареевым «Основных вопросов философии истории» термин «философия истории» артикулировался в литературе уже более столетия. Поэтому логично, что первую часть своего труда автор посвящает анализу основных сочинений. Он начинает с ро-

дона начальников философии истории: от пророка Даниила, Аристотеля, Августина и Павла Орозия до Макиавелли, Бодена, Боссюэта, Вико, Монтескье, Вольтера, Тюрго, Гердера и Изелина. Что касается самого Кареева, для него теоретиками всеобщей истории являются Вико (первым обратил внимание на некое единообразие истории народов, на повторяемость и последовательность их развития), Монтескье (пытался вывести законы сосуществования социальных явлений) и Гердер (обнаружил единство органических и культурных явлений) [4, с. 3–4].

Разворачивание философской мысли в отношении истоков и направленности всеобщей истории Кареев наблюдает в трех сравнительных плоскостях: теологической, метафизической и позитивной. Философия истории с провиденциальной точки зрения рассматривается им на примере воззрений Боссюэта и Лорана. К достоинствам обоих авторов Кареев относит то, что исследователи изучают действительную связь событий, «хорошо распутывают эмпирическую ткань истории», их связи укладываются в тенденции, «пробивающиеся в ходе истории подобно тому, как река прокладывает себе течение не по прямой линии, а там, где удобнее» [4, с. 41, 45]; в их всеобщей истории нет придуманных связей, она изобилует подтвержденными фактами. В то же время объяснение причин у теологов страдает внутренним противоречием. С одной стороны, план истории объясняется Провидением: божественное действие выглядит для человека как «незнание» (Боссюэт) или как «тайна» (Лоран). С другой стороны, вся богатая эмпирическая история представляется ими как хаотичный результат проявления человеческой свободы.

Между теологами и метафизиками Кареев находит очевидную связь: оба направления вносят в историю единство и планомерность, с той лишь разницей, что одни называют закон, управляющий историей, Провидением («воля Верховного Существа», по Боссюэту), другие – логикой («логическое сцепление отдельных моментов», по Гегелю) [4, с. 12]. Философия истории Гегеля, в его оценке, есть «в сущности диалектика развития всемирного духа, втиснутая в эмпирическую историю отдельных наций» [4, с. 46].

Специальное внимание Кареев уделяет сравнительному анализу теоретических выкладок Гегеля и Конта. Гегель доказывает, что ход всемирной истории может быть постигнут умозрачительно и подчинен законам логики. Кареев сопоставляет эту точку зрения с позитивистской, фокусирующей внимание на познании мира явлений. Здесь Кареев сразу же усматривает общее между метафизикой Гегеля и позитивизмом Конта. И у того, и у другого всемирная история развивается согласно законам, с той лишь разницей, что Гегель пытается вывести свои законы *a priori*, а Конт – *a posteriori*. И резюмирует: если позитивизм стремится найти общий закон всей истории, то он неминуемо приближается к метафизической точке зрения, что и произошло с замыслами Конта. «Идея плана слишком сродни идее закона: планомерность и за-

кономерность хода истории почти синонимы», – высказывается Кареев [4, с. 52]. Лично для него примеры философии истории Гегеля и Конта показывают несостоятельность попытки объяснить действительный ход истории, всей ее эмпирической ткани логической системой или законами стадияльного развития.

Что же предлагает сам Кареев в московский период своего творчества? Рассмотрим обозначенную им триаду «философия истории – социология – историософия» во временной динамике.

Философия истории, согласно материалам докторской диссертации Кареева, рассматривается как абстрактно-феноменологический обзор перемен в жизни человечества, как панорамное изображение всеобщей истории, взятое максимально «крупными штрихами». Толкование философии истории в первых четырех главах работы трудно идентифицируется, оно довольно расплывчато, чувствуется, что автор еще окончательно не определился и находится в поиске своей позиции. К пятой главе Кареев уже готов высказаться по поводу собственного понимания философии истории и делает это через дискурсивный прием «четыре не». Философия истории – это *не* философская теория исторической науки; *не* исследование законов; *не* поиск плана истории; *не* а priori выведенные конструкции истории [4, с. 81]. В философии истории Кареев усматривает возможность объединить усилия истории и философии: одна, на его взгляд, способна собирать и конструировать факты прошлого, другая – оценивать эту картину и находить объединяющее начало истории разных народов. Инструментом для такого объединяющего начала у Кареева становится общественный прогресс как главная историософская идея.

Социология, по Карееву, занимается исследованием общественного развития и выявлением общих законов социальной жизни [4, с. 6]. Наравне с психологией социология изучает формы культуры и социальные организации народов. Для того чтобы осмыслить происхождение и развитие социологии, Кареев, так же как и в работе над понятием «философия истории», осваивает огромные пласты западноевропейской литературы, структурирует материал, ищет общее, особенное. В результате большого синтеза идей Кареев выделяет три корня, из которых выросла современная ему социологическая литература: позитивизм Конта, биологическая теория Дарвина и сравнительный метод, применительный к изучению аспектов культуры [4, с. 224–225]. Будучи номологической наукой, социология вырабатывает законы. Под законами Кареев понимает «различные единообразия, обнаруженные достаточным наведением» [4, с. 237]. Для исторической науки, полагает Кареев, достаточно использовать психологические и социальные законы и «нет надобности прибегать к открытию специально-исторических законов» [4, с. 10].

Историософию, в пространстве своей докторской диссертации, Кареев представляет широко: и как философскую теорию исторического знания, и как теорию исторического процесса. У философии, в видении Кареева, историософия берет способность общего обозрения, у теории исторического знания (историки) – методы исследования, а у социологии и психологии – законы общественной и духовной жизни [4, с. 9, 33]. Как сторонник многофакторного анализа, Кареев пытается декларировать историософский плюрализм. Концепция А. Шопенгауэра являет для него обратный пример – историософского монизма, поскольку отрицает не только план и целостность всемирной истории (с чем соглашается Кареев), но и эффект действия отдельной личности (с чем не соглашается Кареев). Признавая, что нет плановой и целостной всемирной истории, Кареев идет дальше Шопенгауэра и утверждает, что историю делают люди. «Историю совершает деятельность личностей – это должно быть основным принципом историософии; каждая из личностей, создающих историю, в своей деятельности так или иначе обусловлена – это принцип философии», – рассуждает Кареев [4, с. 27]. Заметим, что если тема историософии у Кареева впоследствии дискурсивно сойдет на нет, то тема личности как субъекта истории, наоборот, станет главной.

В петербургский период своего творчества Кареев остается верен теме философии истории. В зрелые годы деятельности в работе «Историка. Теория исторического знания: из лекций по общей теории истории» (СПб., 1913) он признается, что термину «философия истории» по-прежнему придается различное значение. Одни исследователи понимают под философией истории общую теорию исторического процесса, другие сравнивают ее с социологией. Кареев не согласен ни с тем, ни с другим. Надо принимать в расчет, что предметом философии истории является всеобщая история, которая и в своей общей панораме, и в частной оптике отдельных народов разворачивается всегда единожды. Теория же исторического процесса и социология, по Карееву, – это науки, изучающие историю вне времени и вне пространства. Философия истории может быть положительной, утверждает Кареев, в том случае, если вместо поиска смысла истории она будет заниматься поиском генетических связей народов; вместо поиска плана истории – постепенно накапливать материал и подводить итоги под фактически данным; вместо признания внутреннего единства истории – наблюдать за постепенным объединением изначально разрозненных историй отдельных народов в единое целое [2, с. 490–491].

Как видим, спустя тридцать лет после написания «Основных вопросов философии истории» Кареев продолжает держаться за термин «философия истории», но наполняет его, по сути, значением, близким теории исторического знания и исторической методологии. Что касается социологии, то, разумеется, он плотно занимается вопросами этой

науки. А вот термин «историософия» практически исчезает из его текстов. Теоретик сам признается, что предлагал его для обозначения «философской историологии», но попытка оказалась неудачной, этому термину, популярному в немецкой историографии, «у нас не посчастливилось» [2, с. 489].

В другой ключевой работе петербургского периода «Историология: Теория исторического процесса» (СПб., 1915) Кареев продолжает корректировать свои историософские взгляды. Философия истории теперь прямо определяется им как философский обзор всемирно-исторического процесса. Соответственно, ей вменяется задача – показать, как совершенствуется человечество, и оценить потенциальную силу прогресса. Здесь Кареев признает свою ошибку, что несправедливо рассматривал прогресс как главную историософскую идею, причем только в поступательном и накопительном плане. «Я даже прямо устраняю бывшее раньше довольно обычным рассматривание прогресса как основного закона истории, ибо оно диктовалось, главным образом, чаяниями нашего сердца, тогда как исторические наблюдения говорят нам, что прогресс очень часто уступает место регрессу», – пишет Кареев [3, с. 294–295].

О культурном прогрессе (умственном, нравственном, социальном, духовном, техническом и т. д.) «поздний», или «петербургский», Кареев говорит уже с гораздо меньшей декларацией, чем в «Основных вопросах философии истории», оставляя открытыми многие вопросы, в частности, о том, прогрессирует ли под влиянием истории сама человеческая природа. Для завершения разговора об эволюции его историософских воззрений (разумеется, в рамках этой статьи, так как многое осталось «за скобками» и тема просит своего продолжения) уместна цитата самого Кареева: «Умственный прогресс есть процесс, в котором главную роль играет критическая мысль, как об этом учили левые гегельянцы, а у нас П.Л. Лавров. Задача критической мысли – постоянно проверять все вообще традиционно-данное для замены старого, не выдерживающего критики, новым, основывающимся на разумных доказательствах. Это и есть путь философии и науки, разлагающих старые предания и открывающих новые истины» [3, с. 302]. В цитате чувствуется позиция самого автора – не стоять на месте, двигаться в поисках нового, открыто освобождаться от прежних заблуждений, наращивать доказательные знания.

Ратуя за грамотную критику источников и понимая, как текст прошлого может изменяться, Кареев, по сути, из позитивиста, долгие годы пытающегося освободиться от метафизических клише, превращается в позитивиста с герменевтическим настроем. В работе над текстом он отмечает схожесть усилий историка и филолога: «Установление правильного чтения, когда есть сомнение в верности передачи настоящего текста, представляет собой иногда очень трудную и кропотливую рабо-

ту, и часто, благодаря именно такой работе, те или другие филологи приобретали свою славу в ученом мире. Подобную работу называют критикою текста, и она, конечно, требует обширных знаний, большого навыка, а в известных случаях и значительной сообразительности», – пишет Кареев в работе «Историка. Теория исторического знания» [2, с. 401]. Кареев продолжает верить в силу научного знания, в его главное достоинство – точность. Однако он понимает, что знание о прошлом всегда является «знанием с множеством пробелов», поэтому историку надлежит быть всегда настороже [2, с. 415].

Проследить историософские воззрения петербургского историка, представителя позитивистской философии истории Н.И. Кареева оказалось делом не из легких. В текстах, особенно московского периода, т. е. времени становления историко-философских воззрений, Кареев постоянно «блуждает» по терминам, многие из которых переплетаются, повторяют друг друга или противоречат сами себе. Чтобы не утонуть в дискурсивном «океане» теоретика, за основу была взята его понятийная триада «философия истории – социология – историософия». Проанализированная в динамике, она позволила проследить вызревание, развитие и перенастройку в локации двух научных сообществ – московского и петербургского. В качестве предварительных выводов о том, какие факторы и в каком средовом контексте повлияли на теоретические изыскания Кареева, можно отметить следующее.

В московском жизненном пространстве в ряду главных факторов, повлиявших на формирование у Кареева позитивной историософии, стоит его семейный круг; обучение в гимназии и в университете; преподавание в гимназии и в университете; работа над магистерской и докторской диссертациями; выход в свет знаковой работы «Основные вопросы философии истории». Позитивистские взгляды Кареева сложились под влиянием работ западноевропейских и отечественных авторов, в числе которых Дж.-Г. Льюис, И. Тэн, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и др. Как историк и исследователь источников, Кареев «научился работать» у профессора В.И. Герье. А его постоянную и плотную работу в европейских библиотеках и архивах, чтение трудов классиков и своих современников – все это можно назвать уникальным способом самообразования Кареева.

В петербургском жизненном пространстве в ряду главных факторов, повлиявших на корректировку старых и формирование новых воззрений Кареева, стоит преподавание в университете и в других образовательных местах столицы; семинарии по новистике – Истории Западной Европы; участие в организации Исторического общества; чтение типологических курсов во всеобщей истории и издание на их основе ключевых работ; реализация идеи самообразования молодых людей. Как представитель московского научного сообщества, Кареев привнес в петербургскую историческую науку интерес к философии истории и

социологии. В свою очередь, петербургское научное сообщество стимулировало интерес Кареева к критике источников и способствовало формированию его методологических и типологизаторских способностей.

Будучи сторонником многофакторного анализа и поливариантного видения истории, культуры и общества, Кареев не превратился в ортодоксального позитивиста. Никто в России не был ортодоксальным позитивистом, справедливо замечает А.Е. Рыбас [10, с. 5]. Позитивизм «с поправками», как охарактеризовал свою позицию Кареев, выразился в его герменевтическом настрое, в понимании значимости новой критики источников, учитывающей переживания действующих лиц прошлого.

Малинов подмечает, что Кареев так и не стал «своим» в среде петербургских ученых [7, с. 151]. Возможно, это связано с тем, что Кареев до конца дней чувствовал свою московскую укорененность. В его воспоминаниях не раз проскальзывают обороты: «мои старые московские знакомые», или «в родной Москве», или «мы с ним были знакомы еще с Москвы». Он нередко посещал обеды бывших московских студентов в Петербурге. Некие культурные стереотипы, выработанные с московского периода жизни, возможно мешали ему окончательно проникнуться духом петербургского сообщества. Кареев прямо об этом не говорит, но из примеров, которые он сам же и фиксирует в своих воспоминаниях, видно, как он предпочитал не оставлять ничего «за скобками» в нелюдном разговоре с коллегами, как старался все проговорить, копаться в мелочах, иногда идти вопреки формальному этикету и т. д. Поведенческие привычки Кареева, вкупе с такими чертами его характера, как обидчивость, самомнение, оттенок тщеславия, излишняя впечатлительность (все это чувствуется по тесту воспоминаний. – *Авт.*), также, возможно, мешали выстраивать ровные отношения внутри петербургского сообщества.

Творческий человек всегда сложный, и упоминание о непростою характере Кареева лишь подчеркивает эту мысль. Главные итоги деятельности Кареева по своей значимости перекрывают непростою повседневность, отягощенную, к тому же, общими социальными потрясениями в стране. Очевидным остается тот факт, что именно в свой «сплошной петербургский период», по его собственному выражению [5, с. 174], Кареев сформировался как теоретик, основательно, с неослабевающим интересом занимающийся разработкой вопросов философии истории. Его историософские идеи вызревали постепенно, подвергаясь корректировке под воздействием новых достижений науки и в силу высокого уровня критического мышления самого автора. Освоение огромных пластов западных и отечественных концепций и их грамотное синтезирование, а также неперенное участие в полемике по острым вопросам теории исторического знания – все это позволило Карееву сформировать собственное видение философии истории. Осознавая силу дилеммы отвлеченного знания истории и его эмпирического воплощения, он

раздвинул рамки позитивистского мышления, сделав шаг от объяснения к пониманию исторического, культурного и общественного развития.

Список литературы

1. Бельчевичен С.П. Философия русской истории в творческом наследии Г. Плеханова и Д. Мережковского // *Философ в пространстве культуры: к 60-летию Б.Л. Губмана*. Тверь: ТвГУ, 2011. С. 154–163.
2. Кареев Н.И. Историка. Теория исторического знания // Кареев Н.И. Избр. тр. / сост., автор вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 352–548.
3. Кареев Н.И. Историология: Теория исторического процесса. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «Либроком», 2020. 326 с.
4. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Обе части в одном томе. Изд. 3-е, сокращ. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 456 с.
5. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / авт. вступ. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 384 с.
6. Косарская Е.С. Проблема типологии социокультурного развития в философии истории русского позитивизма конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. филос. наук. М.: МГОУ, 2016. 187 с.
7. Малинов А.В. Н.И. Кареев. Общая методология гуманитарных наук // *Вече*. 2011. № 22. С. 147–174.
8. Малинов А.В. Л.Н. Гумилев и традиция изучения философии истории в Петербургском университете // *Вестн. Санкт-Петерб. ун-та*. 2002. Спецвыпуск. С. 58–68.
9. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: Проблемы коллективной биографии (1819–1917) // *КЛИО*. 2013. № 10. С. 36–41.
10. Рыбас А.Е. Позитивная философия в России конца XIX – первой трети XX в. Mauritius: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. 324 с.
11. Соболева Н.А. Культурно-социальная среда в воззрениях Н.И. Кареева // *Вестник Тверского государственного технического университета. Сер.: Науки об обществе и гуманитарные науки*. 2019. № 3 (18). С. 11–17.

THE EVOLUTION OF HISTORIOSOPHICAL VIEWS OF N.I. KAREEV: FROM MOSCOW TO PETERSBURG

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The historiosophical views of the St. Petersburg historian Nikolay Kareev, who was the representative of the positive philosophy of history, are analyzed in the article. Kareev's conceptual triad «philosophy of history – sociology – historiosophy», taken in dynamics, allows us to trace the evolution of views

that had been consistently maturing in two scientific communities - Moscow and St. Petersburg. Preliminary conclusions are made about what factors and in what environmental context influenced Kareev's theoretical research. Being a representative of the Moscow scientific community, Kareev brought to St. Petersburg historical science an interest in the philosophy of history and sociology. The St. Petersburg scientific community stimulated Kareev's interest in criticizing sources and contributed to the formation of his theoretical, methodological and typological competences. It is concluded that the positivism of Kareev, which took shape in the Moscow period of his work, has undergone adjustments. The conditions that influenced the modernization of Kareev's views were revealed: the source studies traditions of St. Petersburg scientists, hermeneutic criticisms of sources, and the «openness» of the theoretician's thinking.

Ключевые слова: *N.I. Kareev, positivism, philosophy of history, sociology, historiography, history, criticism of the source.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenuevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru